

РЕДУКЦИЯ МАРКЕРОВ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К РЕЛИГИОЗНОЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РАДИКАЛИЗАЦИИ

*Г. П. Куделич, старший преподаватель кафедры романских языков
факультета международных отношений Белорусского
государственного университета*

Аннотация. В статье проанализированы альтернативные взгляды двух французских востоковедов – О. Руа и Ж. Кепеля – на истоки радикализма в исламской среде и популяризации исламизма. Тем не менее эти противоположные теории доказывают универсальность практических выводов. Обоснована роль редукции системы маркеров культурной идентичности к религиозной в инструментализации религиозного дискурса.

Ключевые слова: исламизм, радикализация, инструментализация религии, культурная идентичность.

REDUCTION OF MARKERS OF CULTURAL IDENTITY TO RELIGIOUS AS A TOOL OF RADICALIZATION

*H. Kudzelich, Senior Lecturer of the Department of Romance Languages
of the Faculty of International Relations, Belarusian State University*

Abstract. The article analyzes the different points of views of two French orientalists O. Roy and J. Kepel on the origins of radicalism in the Islamic environment and the popularization of Islamism. Nevertheless, the universality of practical conclusions from these opposing theories is being proved. The author substantiates the role of the reduction of the system of markers of cultural identity to the religious in the instrumentalization of religious discourse.

Keywords: Islamism, radicalization, instrumentalization of religion, cultural identity.

Диффузные процессы, порожденные феноменом глобализации, не одно десятилетие приковывают внимание исследователей. Для философов и культурологов особый интерес представляют глубинные трансформации в мировосприятии, которые скрыты за фактической стороной новой реальности. Одной из примет XXI в. стали новые формы массового насилия, в частности, терроризм. В Европе, столкнувшейся с терроризмом по религиозной мотивам, он во многом ассоциируется с распространением радикальных идей политического ислама.

Франция как наиболее вовлеченная в противоборство с исламизмом страна в силу традиции медиатизации интеллектуального поиска сделала очень публичной проблематику о связи ислама и радикализации в иммигрантских кварталах, породивших многих сторонников воинствующего джихада.

Ключевыми фигурами, чьи заключения о причинах такого явления традируются интеллектуалами всего мира, являются Ж. Кепель и О. Руа. Однако позиции ученых представляются как противоположные, концептуально выражимые в формулировке «радикализация ислама VS исламизация радикализма». При этом именно первая теория нашла отклик у представителей французской власти: при президенте Э. Макроне Ж. Кепель был назначен главой дипломатической миссии, посетившей Тунис в апреле 2022 г. с целью укрепления дружеских отношений и сотрудничества в борьбе с исламизмом.

На первый взгляд позиции Ж. Кепеля и О. Руа кажутся альтернативными, и самими авторами рассматриваются так же. Тем не менее при реконструкции глубинных оснований этих теорий можно показать, что в своем логическом завершении они приводят к одинаковым практическим приложениям.

Так, теория радикализации ислама Ж. Кепеля основана на следующих положениях. Распространение и возрастающая популярность радикальных идей в исламе как глобальная тенденция связана с расцветом салафизма, призывающего к возвращению чистоты веры. Воинственный салафизм направлен на дестабилизацию ситуации в Европе, ослабление которой является важным этапом для триумфа исламизма, консолидации всего исламского мира в пику империалистическим посяганиям Запада. Программными произведениями, своего рода настольными книгами джихадистов являются тексты Абу Мусаб ас-Саури, создавшего концепт *индивидуального терроризма*. Во Франции успех салафистской идеологии обусловлен, с одной стороны, геттоизацией иммигрантских кварталов, а с другой – бесконтрольной прозелитской активностью салафитских имамов среди переживающих идентификационный кризис французской молодежи. Современные средства связи способствуют индивидуализации и определенной автономности приверженцев исламизма, принадлежащих виртуальной и децентрализованной умме. Ж. Кепель считает это «новой стадией террористического исламизма, четвертым поколением, иначе “4G”» [2, p. 125].

Но главным заключением Ж. Кепеля и пунктом расхождения с теорией О. Руа является утверждение, что возникновение политического ислама стало закономерным следствием общественно-политической ситуации в мусульманском мире, которому была необходима «новая, мобилизующая утопия» [1, с. 28]. Ученый убежден, что идеологический конструкт на базе салафитских принципов является основной причиной радикализации в мусульманской среде.

О. Руа, известный как автор концепции «детерриоризованного ислама», непоколебим в своей позиции относительно истоков радикальных проявлений среди мусульман Франции – это нигилистическая природа молодежного бунта, возникшего как следствие *декультурации*, понимаемой как разрыв с традиционной матрицей ценностей страны исхода ро-

дителей, и неудавшейся социализацией в стране проживания [3, р. 61]. Эрозия системы традиционных ценностей, составляющей ядро идентичности, неизбежно обостряет вопрос об их сохранности, но, по мнению ученого, она прежде всего свидетельствует о распаде социальной структуры. Тем не менее, согласно О. Руа, решающим фактором радикализации является именно личная склонность к проявлению агрессии и девиантному поведению, которые под видом высокой цели – служения исламу – получают наивысшую в их глазах легитимацию. Поэтому ученый определяет ситуацию в Европе как исламизацию радикализма, где первоначальный импульс к выражению себя через насилие является атрибутом отдельно взятой личности.

Апелляция к религии, ставшей более надежным основанием для определения единства общины, чем этническая принадлежность, создает иллюзию культурной преемственности, обеспечивая ценностный личностный статус поборнику джихада. В действительности эта новая идентичность переформулирована в результате аккультурации, она имеет мало общего с традициями этноса, но конституируется сообразно представлению о транснациональной арабской культурной идентичности, ядром которой назначается религиозная принадлежность. Избрание ислама в качестве маркера мифической единой арабской культуры «преследует цель преодолеть исходные этнические идентичности чтобы создать единую идентичность, строго религиозную, всеохватывающую и универсальную» [3, р. 71]. Но в действительности каждый конвертированный в ислам создает, мастерит («бриколаж» по К. Леви-Строссу) *свой* личный ислам, поскольку логика неофундаментализма (предпочитаемый О. Руа термин понятию «салафизм») заключается в буквальном следовании букве Корана, отрицании монополии на роль учителя.

Нетрудно проследить, что при расхождении в определении истоков радикализации оба исследователя сходятся в одном: катализирующим моментом для самоопределения (О. Руа) либо обращения в исламизм (Ж. Кепель) является поиск культурной идентичности. Ж. Кепель отметил: «именно в сфере культуры (в широком смысле) исламизм начал свою битву, прежде чем проникнуть в общество и политику [1, с. 29]. «В самом деле, исламистская идеология возникла не в вакууме: она противоречивым образом вписалась в религиозную традицию, из которой почерпнула отдельные элементы, доведя их до крайности, а другими пренебрегла, добившись разной степени успеха в зависимости от страны и ситуации» [1, с. 29]. Для О. Руа радикализация иммигрантского населения (он иллюстрирует свои наблюдения примерами из биографии джихадистов) – это «совершенный продукт вестернизации и глобализации» [3, р. 197]. Это протест против доминирующей культуры изнутри этой культуры, попытка перестроить свою идентичность, подверженной унификации, но протест, имеющий политическое выражение.

Учитывая все вышеизложенное, нам представляется очевидным, что именно в силу редукции культурной идентичности к религиозной ее составляющей происходит инструментализация религии. При этом религиозность тоже реконструирована, несмотря на декларации об ее аутентичности. В ситуации возрастающей индивидуализации в социуме, подкрепленной цифровизацией, и сопутствующей ей одновременной потерей авторитета религиозных лидеров, на современном этапе возникает широкое поле возможностей для новых вариантов инструментализации религиозного дискурса.

1. Кепель, Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель. – М. : Ладомир, 2004. – 468 с.
2. Képel, J. Le prophète et la pandémie / J. Képel. – 2021. – 202 p.
3. Roy, O. L'islam mondialisé / O. Roy. – Paris : Editions du Seuil, 2002. – 224 p.